

5. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Дмитрия Медведева // Областная газета. 2008. № 352(4597). 7 ноября.

6. Праздников Г. А. Образование как сотворение образа // Педагогика. 2008. № 2. С. 115–117.

7. Юдина Н.В. Гуманитарная культура в современном Российском и Европейском образовательно-педагогическом пространстве.

8. Сайт. URL: <http://go.mail.ru/search>

9. Сайт. URL: www.pedpro.ru/terms/19.htm

УДК 81

Г.П. Савиных

Дискурс и коммуникация: социо-философский аспект

В настоящей статье понятие дискурса рассмотрено как ключевое в теории коммуникации. Автор приводит различные аргументы высокого статуса естественного языка в коммуникации и ссылается на теорию языковой личности.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, язык.

Discourse and communications: social-philosophical aspects

In the present article the concept of a discourse is analyzed as key in the communications theory. The author results various arguments of the high status of a natural language in communications and addresses on the theory of the language person.

Key words: the discourse, communications, language.

Будучи убежденными, что вербальная коммуникация носит главенствующий характер в любой области человеческой деятельности, многие ученые констатируют высокий статус влияния языка на процессы коммуникации. Еще Р.О. Якобсон утверждал, что «проникновение в язык может дать социологии больше, чем социология лингвистике» [5, с. 384]. К. Касториadis связывает с языком процессы самосознания, «аутентичной самореализации» и самоопределения человека; по его мнению, язык открывает смысловой горизонт, в пределах которого познающие и действующие субъекты разбираются в различных ситуациях, встречаются с людьми, изучают предметы и накапливают таким образом определенный опыт. «Языковое значение является лишь референтом» некой изначальной данности – «страты»; индивид «изымает из

страты» то ее значение, которое «зависит от способа организации мира, полагаемого обществом... оно изымается, формируясь и трансформируясь в общественных институтах и через них» [2, с. 425, 434].

Весьма показательно, что, освещая проблему коммуникации в контексте «философии практики», К. Касториadis делит «говорящих субъектов» на слуг и хозяев своих языковых систем. Одни используют язык как выражение образа мысли для инновационного постижения своего собственного мира, другие блуждают внутри коварно меняющегося горизонта мира; *«воспроизведение индивидом сети, созданной другими индивидами и вещами подразумевает, что сам он обретает в этой сети некое место, что он в нее влетается»* [2, с. 389].

В сочетании с общепризнанным фактом влияния языка на сознание, поведение и деятельность человека представленные выше положения актуализируют в теории и практике коммуникации межнаучную категорию дискурса.

Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение дискурса: «Дискурс (от франц. Discourse – речь); связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие; речь, «погруженная» в жизнь» [3, с. 136].

Моделировать коммуникативную тактику дискурса, как считают ученые, необходимо в соответствии с жизненным контекстом, создающим коммуникативную ситуацию. В целом же, в силу обращенности дискурса к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях – теория и практика дискурса оказывается связанной междисциплинарной областью знания. Неслучайно современный философ Ю. Хабермас пишет о дискурсе как инструменте разума, как проявлении «коммуникативной рациональности». Подчеркивается, что рациональность – это, в первую очередь, «наличие (у способных говорить и действовать) желания приобрести недостающие знания и правильно использовать их». Рациональность исчисляется по «способности вменяемых участников интеракций ориентироваться в претензиях на значимость» [4, с. 165].

Условием коммуникативной рациональности, таким образом, выступает «коммуникативный разум», выражающий себя в децентрированном, интересубъектном понимании. Сначала он должен стать свободным, воплотиться в структурах современных жизненных миров, найти конкретное воплощение в истории, обществе, физических лицах и – языке. Именно взаимосвязи между языком и социальным миром, Ю.

Хабермас подчиняет свою концепцию дискурса. В ее основе – полярность «практических» и «теоретических» дискурсов [4, с. 122] «Практические» дискурсы – это «события языка-речи», «инструменты социального взаимодействия». Они подчинены «теоретическим» дискурсам, т.е. тем, которые налагают на «практические» морально-нравственные ограничения. И первые, и вторые, по утверждению Ю. Хабермаса, – «продукт субъективного сознания» [4, с. 358], и, будучи реализованными в различных интеракциях, в том числе, коммуникативных, дискурсы способны как перестраивать социальную действительность, так и приспособлять к ней.

В указанной связи, особую актуальность обретает теория Ю.Н. Караулова о трехуровневой структуре «языковой личности». В содержании предлагаемой им структуры высший уровень языковой личности характеризуется связью с действительностью, прагматизмом и развитой мотивацией. Ведущей единицей этого уровня называются «деятельностно-коммуникативные потребности», но – с существенной оговоркой – «общение на уровне «как пройти» не относится к компетенции языковой личности»... [1, с. 37]. Тесная связь с лингвистикой и ориентированность на эффективную лингводидактику позволяют, как видим, говорить о довольно высоких критериях эффективной коммуникации. Это: сформированность лексико-семантического фонда, использование в речи символов, словесных ассоциаций, игра синонимами, приемы эвфемизации, эзопов язык, логические формы и т.п.

Задавая подобный уровень вербальной состоятельности индивида, мы, конечно, несколько нейтрализуем принцип «подлинного антропного фактора» в языке, поскольку в процессе естественной, повседневной коммуникации такой уровень не востребован. Хотя, может быть, так и акцентируется языковая многоплановость в ее отношении к личности.

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 4-е изд., стереот. М.: УРСС, 2004.

2. Касториадис К. Воображаемое установление общества / пер. с франц. М.: ГНОЗИС Логос, 2003.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.М. Ярцевой. М., 1990.

4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб.: Наука, 2000.

5. Якобсон Р.О. Избранные работы / пер. с англ., нем., франц. М.: Прогресс, 1985.